

Содержание

ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ	
Чужие сны	11
БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ	
Пески Петербурга	19
НИКИТА ЕЛИСЕЕВ	
Разорванный портрет	21
АНДРЕЙ АСТВАЦАТУРОВ	
“Едет маленький автобус...”	63
ЕЛЕНА КОЛИНА	
“Это Питер, детка”	89
ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН	
Ждановская набережная между литературой и жизнью ..	103

Михаил Шемякин	
Унылые места — очей очарованье	115
СЕРГЕЙ НОСОВ	
В торце Большой Московской	123
АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ	
Васильевский остров	133
ТАТЬЯНА МОСКВИНА	
“На Васильевский остров я пришла...”	147
АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ	
Как бы нам остаться варварами?	157
ДМИТРИЙ БЫКОВ	
Елагин остров	175
ЕЛЕНА ЧИЖОВА	
Дворовые уроки истории	205
ДЕНИС КОТОВ	
Моя подъездная история	233
ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ	
Вечность вместо жизни	241
АНДРЕЙ БИТОВ	
Странноприимный двор	253
МАГДА АЛЕКСЕЕВА	
“Петербург, я еще не хочу умирать, у меня телефонов твоих номера...”	277
ДАНИИЛ ГРАНИН	
Пантелеймоновская улица	287
ВИКТОР ТИХОМИРОВ	
От Гангутской до Чайковской	293
НАТАЛЬЯ ГАЛКИНА	
Сад Сен-Жермен	305
АЛЕКСАНДР КУШНЕР	
Таврический сад	317

ИРИНА БАСОВА	
Возвращение	329
ТАТЬЯНА МЭЙ	
Через Атлантиду — дворами	341
ВАЛЕРИЙ ПОПОВ	
Мои места	357
ОЛЬГА ЛУКАС	
Планета Ржевка	367
АЛЕКСАНДР ЕТОВЕВ	
Жизнь в неблагополучном районе	397
КСЕНИЯ БУКША	
Проспект Стачек	425
АНДРЕЙ СТЕПАНОВ	
Лесной	435
ПАВЕЛ КРУСАНОВ	
Центр новый, незатопляемый	445
ИЛЬЯ БОЯШОВ	
Лабиринт	459
ЕЛИЗАВЕТА БОЯРСКАЯ	
В Питере — жить!	469
МИХАИЛ ПИОТРОВСКИЙ	
Мой Эрмитаж	477
НАТАЛИЯ СОКОЛОВСКАЯ	
Мания Бенуа	483
ЭДУАРД КОЧЕРГИН	
Царский ужин (питерские бывания)	503
ВАДИМ ЛЕВЕНТАЛЬ	
Набережная бездны	513
<i>Об авторах</i>	519

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где вы и где мы,
Только знаю, что крепко мы слиты.
Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.
.....
Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

В Питере тире — пить! Не судьба!

СЕРГЕЙ ШНУРОВ

ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ

Чужие сны

Петербург строился не для нас. Не для меня. Мы все там чужие: и мужчины, и женщины, и надменное начальство в карете ли, в “мерседесе” ли, наивно думающее, что ему хоть что-нибудь здесь принадлежит, и простой пешеход, всегда обливаемый водою из-под начальственных колес, закиданный комьями желтого снега из-под копыт административного рысака. В Петербурге ты всегда облит и закидан — погода такая. Недаром раз в год, чтобы ты не забывался, сама река легко и гневно выходит из берегов и показывает тебе кузькину мать.

Некогда Петр Великий съездил в Амстердам, постоял на деревянных мостиках над серой рябью каналов, вдохнул запах гниющих свай, рыбьей чешуи, водяного холода. Стекланные, выпуклые глаза вобрали желтый негаснущий свет морского заката, мокрый цвет баркасов, шелковую зеленую гниль, живущую на досках, над краем воды. И ослепли.

С тех пор он видел сны. Вода и ее переменчивый цвет, ее обманные облики вошли в его сны и притворялись небесным городом — золото на голубом, зеленое на черном. Водяные улицы — зыбкие, как и полагается; водяные стены, водяные шпильи, водяные купола. На улицах — водянистые, голубоватые лица жителей. Царь построил город своего сна, а потом умер, по слухам, от водянки; по другим же слухам, простудился, спасая тонущих рыбаков.

Он-то умер, а город-то остался, и вот, жить нам теперь в чужом сне.

Сны сродни литературе. У них, конечно, общий источник, а кроме того, они порождают друг друга, наслаиваются, сонное повествование перепутывается с литературным, и все, кто писал о Петербурге, — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Белый, Блок — развесили свои сны по всему городу, как тонкую морозящую паутину, сетчатые дождевые покрывала. От бушующих волн Медного всадника и зелено-бледных пушкинских небес до блоковской желтой зари и болотной нежити — город все тот же: сырой, торжественный, бедный, не по-человечески прекрасный, не по-людски страшнень-

кий, не приспособленный для простой человеческой жизни.

Я непременно куплю в Питере квартиру: я не хочу простой человеческой жизни. Я хочу сложных снов, а они в Питере сами рождаются из морского ветра и сырости. Я хочу жить на высоком этаже, может быть, в четвертом дворе с видом на дальние крыши из окна-бойницы. Дальние крыши будут казаться не такими ржавыми, какие они на самом деле, и прорехи покажутся таинственными тенями. Вблизи все будет, конечно, другое, потрепанное: загнутые ветром кровельные листы, осыпавшаяся до красного кирпича штукатурка, деревце, выросшее на заброшенном балконе, да и сам балкон с выставленными и непригодившимися, пересохшими до дровяного статуса лыжами, с трехлитровыми банками и тряпкой, некогда бывшей чем-то даже кокетливым.

Особенно хочется дожидаться в питерской квартире поздней осени, когда на улице будет совершенно непереносимо: серые многослойные тучи, как ватник водопроводчика, сырость, пробирающая до костей, секущий, холодный ингерманландский дождь, длинные лужи, глинистые скверы с пьяными. Потом — ранняя, быстрая тьма, мотающиеся тени деревьев, лиловатый, словно в мертвецкой, свет фонарей и опасный мрак подворотен: второй двор, третий двор, ужасный четвертый двор, только не оглядываться.

Да, и еще длинные боковые улицы без магазинов, без витрин с их ложным, будто бы домашним уютom. Слепые темные тротуары, где-то сбоку простроченные

глумящими, мокрыми, невидимыми деревьями, только в конце, далеко, в створе улицы — блеск трамвайного рельса под жидким, красным огнем ночного ненужного винного бара.

Кто не бежал, прижав уши, по такой страшной бронхитной погоде, кто не промокал до позвоночника, кто не пугался парадных и подворотен, тот не оценит животное, кухонное, батарейное тепло человеческого жилища. Кто не слышал, как смерть дует в спину, не обрадуется радостям очага. Так что, если драгоценное чувство живой жизни притупилось, надо ехать в Питер в октябре. Если повезет, а везет почти всегда, — уедешь оттуда полуживой. Для умерщвления плоти хорош также ноябрь с мокрым, ежеминутно меняющим направление снеговым ветром, а если не сложилась осенняя поездка — отлично подойдет и март. В марте лед на реках уже некрепок, не выдержит и собаки, весь покрыт полыньями, проталинами, синяками, но дует с него чем-то таким страшным, что обдирает лицо докрасна за шестьдесят секунд, руки — за десять.

Непреренно, непременно куплю себе квартиру в Питере, слеплю себе гнездо из пуха, слюны, разбитых скорлупок своих прежних жизней, построю хижину из палочек, как второй поросенок, Нуф-Нуф. Натаскаю туда всякой домашней дряни, чашек и занавесок, горшков с белыми флоксами, сяду к окну и буду смотреть чужие сны.

Окон в Питере никогда никто не моет. Почему — непонятно. Впервые я обратила на это внимание в конце восьмидесятых годов, когда началась перестройка. Ясно, что тогда телевизор было смотреть интереснее, чем вы-

глядывать в окно: кого еще сняли?.. что еще разрешили?.. Потом интерес к политике угас, все сели, как замороженные, смотреть мыльные оперы, так что тут тоже стало не до ведер с мыльной водой. Потом жизнь поехала в сторону полного разорения, денег не стало, потолки осыпались на скатерти, а обои свернулись в ленты, и мыть окна стало как-то совсем неуместно. Кроме того, Питеру всегда была свойственна некоторая надменность, горькое презрение к властям всех уровней, от ЖЭКа до государя императора: если “они” полагают, что со мной можно так обращаться, то вот вам, милостивый государь, мое немывтое окно, получите-с. Но возможны и другие объяснения: нежелание смотреть чужие сны, смутный протест против того, что куда ни повернись — всюду натыкаешься глазом на чужое, на неродное, на построенное не для нас. Или, потеряв статус столицы, Питер опустился, как дряхлеющая красавица? Или в ожидании белых, томительных ночей, выпивающих душу, жители копят пыль на стеклах, чтобы темней было спать? Или же это особое питерское безумие, легкое, нестрашное, но упорное, как бормотание во сне? Когда я осторожно спросила свою питерскую подругу, почему она не моет окон, она помолчала, посмотрела на меня странным взглядом и туманно ответила: “Да у меня вообще ванна в кухне...”

Эта была правда, ванна стояла посреди огромной холодной кухни, ничем не занавешенная, но в рабочем состоянии, при этом в квартире — естественно, коммунальной — жили двенадцать человек и, по слухам, мылись в этой ванне, не знаю уж как. И, наверно, это